

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-59-65

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 12.10.2022
принятия: 01.12.2022

К.С. Поздняков

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

«Записные книжки» И. Ильфа 1930-х годов как свидетельство оформления соцреалистического дискурса

Аннотация: тема статьи представляется актуальной прежде всего потому, что в «Записных книжках» Ильи Ильфа критикуется социалистический реализм – искусство, выполнявшее пропагандистские функции и не обращавшее внимание на качество и оригинальность художественного высказывания. В последнее десятилетие наблюдается возвращение соцреалистической манеры письма в произведениях таких современных авторов, как А. Иванов, З. Прилепин, К. Сильванова и Е. Малисова. Думается, что с помощью изучения классического сталинского соцреализма и критической рефлексии в отношении данных текстов можно понять некоторые закономерности современного литературного процесса. Цель исследования заключалась в рассмотрении специфических особенностей критики Ильфа и её объектов. Основные методы исследования, применявшиеся в статье, – это семиотический и интертекстуальный анализы. В начале статьи рассматривается контекст, в котором создавались записи И. Ильфа 1930-х годов. В качестве эмпирического материала, помимо «Записных книжек» Ильфа, рассматривались рассказы Ильфа и Петрова, Е. Зозули и роман П. Павленко «Баррикады». В результате исследования были выделены две тематические доминанты записей: 1) критические суждения в адрес близких И. Ильфу коллег по литературному цеху, в 1930-х начавших осваивать соцреалистический шаблон; 2) иронические выпады в адрес формирующегося соцреалистического канона. Обе тематические направленности записей полностью противоположны художественному творчеству Ильфа и Петрова в обозначенный период. Соавторы написали несколько соцреалистических текстов, а некоторые части «Одноэтажной Америки» семантически созвучны ключевым интенциям советской идеологии. Таким образом, вновь можно и должно провести границу между самостоятельным творчеством Ильфа и поздними вещами соавторов, в которых явным лидером становился Е. Петров.

Ключевые слова: социалистический реализм; халтуртрегер; дискурс; роман; фельетон.

Благодарности: автор выражает благодарность И.В. Саморуковой и О.В. Журчевой за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Цитирование: Поздняков К.С. «Записные книжки» И. Ильфа 1930-х годов как свидетельство оформления соцреалистического дискурса // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 59–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-59-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Поздняков К.С., 2022 – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

K.S. Pozdneyakov

Samara State University of Social Sciences
and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

Ilf's «Zapisnye Knizhki» [Sketch Books] of 1930s as the proof of social realistic discourse formation

Abstract: the article theme is topical for the reason that Ilya Ilf in “Zapisnye knizhki” criticizes the socialist realism – the art that propagandized and did not pay attention to the artistic expression quality and originality.

In recent decades we can witness return of social realistic writing in the works of such authors as A. Ivanov, Z. Prilepin, K. Silvanova and E. Malisova. It appears that in the course of studying the classic Stalinist social realism and critical reflecting it is possible to understand certain patterns of the modern literature process. The research objective was to study Ilf's critique peculiarities and its objects. The article basic research methods comprise semiotic and intertextual analyses. The article beginning considers the context of Ilf's writing in 1930-s years. The stories by Ilf and Petrov, E. Zozulja and "Barricady" [Barricades] novel by P. Pavlenko were considered as the empiric material. As a result of the research, two thematic dominants of the writing were distinguished: 1) critical judgment of I. Ilf's literature colleagues who started working in social realistic manner in 1930-s years; 2) ironic attacks at the forming social realistic canon. Both of the writing thematic domains are polar opposite to Ilf and Petrov's artistic expression within the specified period. The coauthors created several social realistic texts, and some parts of «Oдноetazhnaya Amerika» ["One-storied America"] are semantically compliant with the key Soviet ideology intentions. Thus, it is possible and necessary to distinguish between Ilf's independent creative working and the coauthors' late works, where E. Petrov was an evident leader.

Key words: socialist realism; hack writer; discourse; novel; feuilleton.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to I.V. Samorukova and O.V. Zhurcheva for supporting the research.

Citation: Pozdnyakov, K.S. (2022), Ilf's «Zapisnye Knizhki» [Sketch Books] of 1930s as the proof of social realistic discourse formation, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 59–65, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-59-65>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Pozdnyakov K. S., 2022** – Doctor of sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Techniques, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

На протяжении всей своей литературной деятельности И.А. Ильф вёл записные книжки. Опубликованные его дочерью А.И. Ильф в 2000 году, эти фрагменты раскрыли перед читателем «кухню» дуэта Ильфа и Петрова. Знакомые по диалогии об Остапе Бендере фразы и целые отрывки чередуются с планами так и не реализованных вещей. По книге фрагментов становится очевиден креативный потенциал Ильи Ильфа, который, думается, так и не был реализован полностью. Примечательно, что отрывков в духе социалистического реализма (именно в рамках этого направления соавторы написали несколько текстов в 1930-х) в записных книжках последних годов жизни Ильфа просто нет. Социалистический реализм в статье будет пониматься в соответствии с дефинициями А. Терца (А. Синявского) из статьи «Что такое социалистический реализм» как «целенаправленное, религиозное искусство» (Синявский 2003, с. 173), для которого характерно низкое качество литературной продукции.

Записи со всей очевидностью указывают на возрастающий пессимизм автора. Наряду с фрагментами так и не написанных произведений о захвате древнеримским легионом советской Одессы и о плачевно закончившейся киноэкспедиции, в этих записях обнаруживается большое количество упоминаний советских писателей и иронические выпады в адрес штампов социалистического реализма. В отличие от поздних текстов, написанных в соавторстве с Евгением Петровым, в записных

книжках ощущается «ироническое видение мира» (Сура 2012, с. 134). Здесь не идёт речи о соблюдении ритуальных форм, характерных для социалистического реализма и описанных К. Кларк (Clark). Эти фрагменты как раз и представляют особый интерес потому, что в тридцатых годах соавторы написали несколько в художественном отношении слабых соцреалистических произведений. Показательным в этом плане представляется рассказ «Тоня». «Тоня», во-первых, не имеет ничего общего, кроме имени героини, с изначальным планом Ильфа, который известен читателю по тем же «Записным книжкам», а во-вторых, в произведении и следа не остаётся от поэтики лучших текстов соавторов. Даже язык повести скуп, невыразителен. В сопоставлении с прежними вещами Ильфа и Петрова его с уверенностью можно назвать примитивным. Понятно, что изначальный план Ильфа мог изменить только один человек – его соавтор, да и «след» Петрова в «Тоне» обнаруживается: это шутка из старого фельетона младшего Катаева.

Ход исследования

Итак, в записях Ильфа тридцатых годов ничто не напоминает о сдержанности последних произведений соавторов. Илья Арнольдович достаточно зло проходит по коллегам (образу Олеси в контексте «Записных книжках» посвящена статья Александры Ильф «Юрий Олеша в контексте «Записных книжек» Ильфа» (Ильф 2006, с. 286–316)), поэтому на репликах в адрес Юрия Карло-

вича останавливаться не имеет смысла) и критически отзываясь о советском искусстве в целом. Рассмотрим эти записи подробнее.

1. В первой части анализируются высказывания Ильфа в адрес коллег по литературному цеху.

Земляку-одесситу Ефиму Зозуле тоже досталось от Ильфа. «Зозуля пишет рассказы короткие, как чеки, и такие же скучные» (Ильф 2006, с. 311). Ильф любил сравнения при характеристике поэтики произведений. Так, например, известно следующее мнение Ильфа об авторе «Собора Парижской Богоматери»: «Виктор Гюго по своей манере писать напоминает испорченную уборную. Бывают такие уборные, которые долго молчат, а потом вдруг сами по себе со страшным ревом спускают воду» (Ильф 2008, с. 8).

Критика Зозули представляется вполне оправданной: достаточно прочитать любое произведение этого автора 30-х годов. Например, «Парикмахерша» (1935 г.), рассказ, состоящий из скучного набора банальных наблюдений. Например: «И вот новый посетитель сел. Она внимательно оглядывает его – незаметно, чтобы не смутить, и не обратить взглядом его внимания. Новый человек, севший на ее стул, для нее не только новый объект для работы, а нечто большее. Ей интересно: что это за человек. Она любит свою работу. Для нее люди далеко не одинаковы, даже с точки зрения ремесла. Люди так непохожи друг на друга. У каждого так непохожи волосы, кожа, черты лица. Ей интересно это» (Зозуля 1987, с. 278). Всё повествование уместается в один-единственный абзац, и это делает сравнение именно с чеком особенно удачным. Прimitивность рассказов Зозули не может быть художественно оправдана. Вполне возможно, что писатель выбрал такую манеру из соображений безопасности, на что указывает Е. Голубовский: «Но то, что он (Зозуля – К.П.) хотел сказать своему читателю, оказалось непроходимым для советской цензуры» (Голубовский 2012, с. 10).

Будущий лауреат сталинской премии за роман «Счастье» Петр Павленко удостоился следующей насмешливой характеристики: «Если бы Толстой писал так туманно, как Павленко, никогда бы мы не узнали, за кого вышла замуж Наташа Ростова» (Ильф 2006, с. 311). В утомительном романе П. Павленко «Баррикады» можно обнаружить следующие пассажи с вкраплением протокольного дискурса: «Равэ, столяр на фабрике мебели, возвращался от тестя. Он потом утверждал, что в семь часов утра солдаты уже братались с народом и девки сидели верхом на пушечных жерлах, как на картинках в пивных, – только там сидели на бочках. Между тем водопроводчик Бигу, вышедший вместе с Равэ, так как они вдвоем заночевали в гостях, в девять часов еще дрался без надежды на благополучный исход, и, по его мнению, только к часу все было кончено. Но в одиннадцать часов

Оливье, их товарищ, двигался с демонстрацией к ратуше по тем самым улицам, откуда вывезли раненых и где расстреляли генералов Тома и Леконта» (Павленко 1953, с. 8). Манера письма Павленко в тридцатых годах действительно запутывала читателя, нагромождение слабо связанных с сюжетом описаний, появляющиеся и тут же пропадающие персонажи – всё это действительно позволяет понять, что имел в виду Ильф, говоря о «туманной» манере автора «Счастья». Упоминание Л.Н. Толстого неслучайно, ведь те же «Баррикады» по форме напоминали роман-эпопею, но написаны были очень плохо.

Однако если критика Зозули была делом безопасным, то выпад в адрес Павленко, учитывая поведенческие стратегии автора «Счастья» (Фрезинский 2008, с. 259), мог закончиться для Ильфа печальными последствиями. Но писатель тяжело болел, он умирал и, видимо, на пороге смерти не мог и не хотел лгать ни другим, ни себе самому.

Любопытна ещё одна черта записей Ильфа: несимпатичных ему писателей, критиков и режиссёров он, человек, бывший в жизни весьма деликатным, называет грубо: Ванька или Гришка. Так, РАПШовский критик Макарьев – это Ванька, а несколько раз встречающийся Гришка – режиссёр Александров, с которым соавторы и В.П. Катаев поссорились из-за несогласованных с ними переделок сценария фильма «Цирк». Думается, что таким образом Ильф выражал особенное презрение.

В двадцатых годах в фельетоне «К барьеру!» Ильф и Петров изобразили фантастическую встречу классиков русской литературы с советскими писателями, перечислив ляпы и тех, и других (Ильф, Петров 2007, с. 28–30). Записи Ильфа не позволяют усомниться, что именно он отыскивал подобные промахи в текстах, был внимателен к деталям. Подобный ляп находит он в произведении Н. Тихонова: «Тихонов пишет, что фотограф «перезаряжал пластинки», но перезаряжать можно только кассеты, да можно и не «перезаряжать», а просто заряжать. Это в рассказе "Клятва в тумане"» (Ильф 2008, с. 345). Не стоит забывать об увлечении Ильфа фотографией, понятно, что такие ошибки не могли его не раздражать. Они указывали на несерьёзное отношение к литературной работе.

О появлении в записях Ильфа братьев Тур, как и про характерные черты литературного быта того времени, исчерпывающе написал Я. Лурье: «Упоминаются также характерные фигуры того времени: братья Тур, совмещавшие, как и их соавтор Шейнин, литературную и следственно-чекистскую деятельность: "По улице шли братья Тур, низенькие, прилизанные, похожие на тель-авивских журналистов"» (Лурье).

Встречаются несколько высказываний, критикующих Чуковского: «О Чуковском. Нельзя выступать с таким пивным репертуаром на съезде»;

«А по воскресеньям у нас идёт большой дождь, так называемая ливня». По методу Чуковского это должно считаться обогащением языка» (Ильф 2008, с. 350); «Как легко сделаться Чуковским. Поболтал с девчонками три часа и, пожалуйста, пиши книгу. В конце концов, нужна лишь хорошая память или знание стенографии» (Ильф 2008, с. 352). «Пивной репертуар» Чуковского А.И. Ильф представлялся загадкой: «Что именно имел в виду Ильф, установить не удалось» (Ильф 2008, с. 392). Можно предположить, что под пивным репертуаром Ильф имел в виду такие «общие места», как, например, противопоставление советской детской литературы зарубежной. Чуковский высказался так: «Когда после английской дешёвки я читал «Колхозных ребят» (детскую газету), мне показалось, что я из клоаки поднялся в стратосферу» (Чуковский). Подобная пафосная восторженность несколько раз высмеивалась Ильфом в записных книжках. Достаточно вспомнить похожий момент, правда, не из литературной области: «На съезд животноводов приехал 80-летний пастух из Азербайджана. Он вышел на кафедру и сказал: "Это какой-то дивный сон!"» (Ильф 2008 с. 304). А «пивной репертуар» описан в другой записи: «Конферансье в пивной. "А сейчас, граждане, мы предложим вам небольшую загадку. Какое слово состоит из трёх букв, в том числе Х и У?" Возбуждённая пивом аудитория радостно выкрикивает знакомое ей слово. "Ошибаетесь, – с лучезарной улыбкой говорит конферансье, – вовсе не ..., а ухо". Рёв восторга» (Ильф 2008, с. 356). Думается, что в «пивном репертуаре Чуковского» были совмещены отрицательное отношение к всевозможным штампам: как в юморе, так и в официальных речах. Рассуждения же о том, как просто обогащать язык и вообще писать, как Чуковский, укладываются в тематическую линию записей Ильфа о технике письма, одобренную пессимизмом.

Итак, обратимся к записям, связанным с критикой всевозможных штампов в советском искусстве.

2. В произведениях соавторов ещё в конце 1920-х годов появился образ «халтуртрегера» – молодого советского писателя, невежественного, ориентированного на получение прибыли. Для данного агента новой советской литературы и было придумано специальное обозначение «халтуртрегер», которое достаточно легко расшифровывается: если культуртрегер несёт в массы культуру, то халтуртрегер – халтуру, плохо написанную литературу. Стоит отметить, что И. Ильф не только писал про подобных авторов фельетоны в соавторстве с Петровым, но и опубликовал с 25 декабря 1928 по февраль 1930 г. в журнале «Чудак» ряд критических отзывов без подписи, большая часть которых была посвящена бездарным и безграмотным произведениям начинаю-

щих советских авторов. В 2009 г. эти тексты были опубликованы А.И. Ильф под общим названием «Рычи – читай!» в книге «Дом с кренделями» – первом – относительно полном – собрании произведений И. Ильфа.

Однако уже к началу 1930-х годов стало ясно, что борьба с халтуртрегерами закончилась неудачей. Обласканные советской критикой соцреалисты писали плохо, но идеологически грамотно (Ф. Панфёров, П. Павленко, Е. Долматовский и др.), а прежним борцам с халтурой приходилось подстраиваться под нормы социалистического реализма. Очевидно, о торжестве халтуртрегеров говорит следующая запись Ильфа: «Они сейчас начинающие писатели, но никак не могут этого понять. Им всё кажется, что они главные» (Ильф 2008, с. 325). Можно сказать, что ко второй половине 1930-х халтуртрегерам уже не «казалось, что они главные», они действительно стали занимать ведущие позиции в советской литературе. Так, например, П. Павленко, опубликовавший уже упомянутый дебютный роман «Баррикады» только в 1932 г., в 1934 г. уже становится членом Правления Союза советских писателей, а начиная с 1941 г. – лауреатом Сталинской премии (за свою карьеру получил эту премию четырежды). От стилистической эклектичности, присущей ранним произведениям П. Павленко (Леднев, Романова 2019, с. 16), к 1930 г. не осталось и следа. Можно сказать, что начинающий писатель Павленко ещё при жизни И. Ильфа стал «главным». В этом плане характерно высказывание А. Ахматовой о К. Симонове: «Когда он пришёл ко мне в первый раз, то от застенчивости снял на лестнице орден. А когда через несколько лет пришёл опять, он уже ничего не снимал...» (Ардов 2006, с. 206). В приведённой цитате отражён процесс, описанный в том числе и Ильфом, когда начинающий писатель превращается в главного, начальника от литературы, переставая признавать прежние авторитеты.

Как известно, в 1937 г. по всей стране праздновалось столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Зошенко отозвался на этот «праздник» не только «шестой повестью Белкина», но и едким фельетоном «В пушкинские дни», герой-повествователь которого, председатель ЖАКТа, делает два бредовых доклада о Пушкине, демонстрируя полное незнание произведений Александра Сергеевича. Ильф, судя по одной из записей, то ли под занавес 1936 г., то ли в начале 1937 г. успел столкнуться с одной из брошюр, посвящённых жизнеописанию великого поэта: «Биография Пушкина была написана языком маленького прораба, пишущего объяснения к смете на постройку кирпичной кладки во дворе. «Материальное обеспечение» и так далее. В одной фразе есть: «вступление, владение, выяснение» и ещё какое-то "ение"» (Ильф 2008, с. 325). Фигура А.С. Пушкина, напомним, была

значимой для соавторов. Так, например, Ю.К. Щеглов в комментарии к роману «Золотой телёнок» отмечает, что «несостоявшееся продолжение романа, о котором повествует настоящая (Тридцать пятая – К.П.) глава, проходит под знаком «Евгения Онегина»» (Щеглов 2009, с. 628). Тонкая литературная игра с аллюзиями на пушкинский текст воспринимается как антитеза биографии Александра Сергеевича, написанной языком прораба.

Ещё в фельетоне «Великий канцелярский шлях» соавторы указывали на вторжение протокольного и официозного дискурса в литературу, теперь Ильф описывает подобные процессы на примере новой биографии Пушкина. Штамп продолжает захватывать разные жанры и речевые территории.

В конце концов, Ильф рисует картину, где вместо художественных произведений циркулируют одни документы: «Было время, когда роман назывался «творческим документом». Стихи тоже были документ. И это напоминало больше всего не искусство, а паспортный стол. "Предъявите документ и проходите. Товарищи, без документов вход воспрещён"» (Ильф 2008, с. 345). Но было ли время? Скорее, Ильф говорит о реальности тридцатых годов, когда литературный процесс приравнивается к документообороту. «Без документов вход воспрещён» – эту фразу легко отнести ко всей советской литературе после создания Союза советских писателей. Достаточно вспомнить о тяжёлых временах, наступивших для Зощенко и Ахматовой после изгнания из Союза писателей, когда без соответствующего удостоверения им действительно запретили вход в литературу, запретили публиковаться.

Ильф продолжает придумывать пародийные заглавия для возможных творений халтуртрегеров: «Название для романа, повести: "Ухо", "Палки", "Подоконник", "Форточка"; "Форточка, роман в трёх частях с эпилогом"; "Блин, повесть"» (Ильф 2008, с. 335). Автор записок иронизирует над тем, что такая мелочь, как форточка, может разрастись до эпопеи с эпилогом, а блин становится предметом, достойным описания в повести. Оригинальность заглавия всегда была важна для Ильфа: и в самостоятельном творчестве («Рыболов стеклянного батальона», «Повелитель евреев»), и в совместном («Бледное дитя века», «Метрополитены предки»). Это были яркие оригинальные и запоминающиеся названия, яркая антитеза ушам, форточкам и прочей бессмысленной ерунде. Есть в записях и «казнь» халтуртрегера: «"В погоне за длинным рублём попал под автобус писатель Графинский". Заметка из отдела происшествий» (Ильф 2008, с. 352). Очевидно, что фамилия говорящая: одновременно намекающая и на графин, связанный как с работой во всевозможных писательских комиссиях, так и несущий сему алкого-

ля, и на графоманию, свойственную большинству соцреалистов. Однако постоянное упоминание о халтурщиках во множественном числе не оставляет сомнений: всех Графинских автобусом не передавишь, их слишком много.

Штампы и халтуру Ильф находит и в рецензиях, и в сценариях, и в постановках. Например, появляется следующая схема написания рецензии: «как надо писать рецензии: сценарий – хороший, играют – хорошо, снято – хорошо. А музыка? О музыке тоже известно, как надо писать. Музыка сливается с действием. Что это значит – никто не знает, но звучит хорошо – музыка сливается с действием. Ну и чёрт с ней, пусть себе сливается» (Ильф 2008, с. 363). Понятно, что написание рецензии отныне не составит труда любому критику, поскольку перед ним готовый шаблон, форма, которую остаётся лишь заполнить. На подобную однообразную критику времён торжествующего социалистического реализма указывает Е. Добренко в статье «Функции и категории соцреалистической критики», отмечая, что «суждения исходят не из головы критика, а из нормы» (Добренко 2020, с. 426). Ильф показывает характерную черту штампа, описывая рецензию на музыкальное произведение: автор сам не понимает смысла высказывания, которое использует, но, не имея других вариантов, вновь прибегает к избитой фразе.

Очередную неточность обнаруживает Ильф и в очерке об Италии: «(...) написано, что против римского собора святого Петра стоит египетская пирамида. Это всё то же. "Могучие своды опираются на лёгкий изящный карниз". Нет, не пойдешь на ту станцию, где своды опираются на карниз. Всестороннее невежество и невнимательность» (Ильф 2008, с. 352).

О советском кино Ильф много писал в соавторстве с Петровым (о живом интересе к зарождающемуся советскому кинематографу свидетельствует и тот факт, что в романе «Золотой телёнок» один из вырезанных фрагментов был посвящён пародийному осмыслению творчества Дзиги Вертова (Одесский, Фельдман 2015, с. 260–262)). Просмотрев несколько фильмов 30-х годов, И. Ильф отмечает, что «впечатление не важнец» (Ильф 2008, с. 349). А в другой записи иронизирует по поводу диалогов в соцреалистических картинах, откровенные разговоры о любви в которых не приветствовались: «Диалог в советской картине. Самое страшное – это любовь. "Летишь? Лечу. Далеко? Далеко. В Ташкент? В Ташкент". Это значит, что он её давно любит, что и она любит его, что они даже поженились, а может быть, у них есть даже дети. Сплошное иносказание» (Ильф 2008, с. 359). Достаточно вспомнить попытку признания в любви в финальной сцене фильма «Весёлые ребята» Г. Александрова, чтобы понять, о чём говорил Ильф. Пастух-музыкант Костя дважды обраца-

ется к Анюте со словами: «Анюта, я давно хотел тебе сказать...», но, кроме многоточия, ничего не следует. Намёк на взаимные чувства героев дан, но им некогда – пора переходить к коллективному исполнению последней песни. В советских картинах тридцатых годов подобных сцен, высмеянных Ильфом, хватало.

Любопытно, что в записях встречаются два фрагмента об отношениях между зарубежной и советской литературами:

А. «Редактору современной литературы, у которого серьёзно разболелись глаза, известный профессор совершенно серьёзно советовал перейти в отдел классиков. Он сказал: «Если бы читали не Караваяву или Лидина, а Флобера и Гоголя, несомненно, что глаза пострадали бы у вас значительно меньше» (Ильф 2008, с. 355).

Б. Во втором фрагменте описан кружок советских писателей: «Каждая новая книга Дос Пассоса, Хемингуэя или Олдоса Хаксли отнимала у членов кружка последние остатки разума. Просто было вредно давать им такие книги. А занимались они в общем халтурой, дела свои умели делать. Это было даже странно для таких неженков. Но тут уже повлияло непролетарское происхождение» (Ильф 2008, с. 369).

В первой записи современная советская литература портит зрение редактору, а зарубежная классика – нет. Во втором типичные халтуртрегеры пытаются понять произведения ведущих зарубежных авторов (стоит напомнить, что Дос Пассоса соавторы называли любимым зарубежным автором, а с Хемингуэем встречались в США), но теряют «последние остатки разума». Вредной для них становится качественная литература: они не в состоянии её понять и продолжают заниматься халтурой. Стоит ли удивляться, что появляется в записях и следующая констатация: «Это неприятно, но это факт. Великая страна не имеет великой литературы» (Ильф 2008, с. 367).

Заключение

В 1936–1937 гг. соцреалистический дискурс уже оформлен, над ним можно смеяться, иронизировать по поводу штампов, но и только. В фельетонах, рассказах и критических очерках Ильфа двадцатых годов чувствовалась надежда на то, что критика через осмеяние складывающегося соцреализма остановит этот процесс, пристыдит халтуртрегеров. В записях Ильфа тридцатых годов подтекст очевиден: оставь надежду всяк сюда входящий.

Однако проанализированные записи позволяют ответить и на важный вопрос: был ли лоялен И.А. Ильф к социалистическому реализму? Ведь последние произведения, написанные в соавторстве, свидетельствовали о готовности Ильфа и Петрова работать в рамках нового направления, следуя тем самым штампам и «общим местам», над

которыми прежде литераторы откровенно потешались, создавая пародии на бесталанные произведения тех же РАППовцев. Но из записных книжек Ильфа становится ясно, что соцреализм автор не принимал, продолжая иронизировать не только по поводу штампов, но и в адрес будущих классиков этого направления: таких, например, как П. Павленко. Произведения Е. Петрова, созданные им после смерти соавтора, позволяют предположить, что именно Евгений Петрович чувствовал себя комфортно в рамках соцреалистического письма. Ведь и сценарии Петрова (в соавторстве с Г. Мунблитом), и пьеса «Остров мира», и незаконченный роман «Путешествие в страну коммунизма» – образцовые соцреалистические произведения, а вот отрывки из незавершённого Ильфом текста о нашествии древнеримских легионеров на советскую Одессу, напротив, ничего общего с социалистическим реализмом не имеют. Так что в качестве гипотезы можно принять положение: поздние соцреалистические тексты соавторов – заслуга Е. Петрова.

Источники фактического материала

Ардов М. Всё к лучшему... Москва: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. 800 с.

Зозуля Е. Парикмахерша // Советский рассказ 20–30-х годов. Москва: Правда, 1987. С. 277–278.

Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание художественных записей. Москва: Текст, 2008. 397 с.

Ильф И., Петров Е. К барьеру! // И. Ильф, Е. Петров. Как создавался Робинзон. Москва: Текст, 2007. С. 28–30.

Павленко П. Баррикады // П.А. Павленко. Собрание сочинений в шести томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 1. С. 2–168.

Чуковский К. Речь на первом съезде Союза советских писателей. URL: <http://chukovskie.livejournal.com/6981.html> (дата обращения 2.09.2022).

Библиографический список

Clark, K. (1981), *The Soviet Novel. History as Ritual*, [Online], available at: <https://archive.org/details/sovietnovelhisto00c4clar/page/n5/mode/2up> (Accessed 04 September 2022).

Ильф А. «Обязательно записывайте», или Книга жизни // И. Ильф. Записные книжки: Первое полное издание художественных записей. Москва: Текст, 2008. С. 8–17.

Ильф А. Цитаты говорят сами за себя // Е. Петров. Мой друг Ильф. Москва: Текст, 2001. С. 5–9.

Ильф А. Юрий Олеша в контексте «Записных книжек» Ильфа // Вопросы литературы, 2006,

№ 2. С. 286–316.

Голубовский Е. Много званых, но мало избранных // Е. Зозуля. Мастерская человек и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения. Одесса: ПЛАСКЕ, 2012. С. 5–10.

Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.

Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 600 с.

Добренко Е. Функции и категории соцреалистической критики // Соцреалистический канон. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. С. 390–433.

Леднев А., Романова К. Ранняя стадия формирования соцреализма: стилевые поиски в «турецкой» прозе П.А. Павленко // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 2. С. 9–17.

Лурье Я. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. URL: https://royallib.com/read/lure_yakov/v_krayu_nepuganih_idiotov_kniga_ob_ilfe_i_petrove.html#0 (дата обращения 3.09.2022).

Одесский М., Фельдман Д. Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова. Очерки вербализированной повседневности. Москва: РГГУ, 2015. 293 с.

Синявский А. Что такое социалистический реализм // А. Синявский. Литературный процесс в России. Москва: РГГУ, 2003. С. 139–175.

Супа В. Сатирическое наследие И. Ильфа и Е. Петрова вчера и сегодня // Studia Wschodnioslowianskie. 2012. Т. 12. С. 133–153.

Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. Москва: Эллис Лак, 2008. 672 с.

Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

References

Clark, K. (1981), *The Soviet Novel. History as Ritual*, [Online], available at: <https://archive.org/details/sovietnovelhisto00c4clar/page/n5/mode/2up> (Accessed 04 September 2022).

Golubovsky, E. (2012), Many invited, but few chosen, in Zozulya, E. *The Workshop of Men and other grotesque, fantastic and satirical works*, PLASKE, Odessa, Ukraine.

Dobrenko, E. (2020), *Late Stalinism. Aesthetics of politics*, vol. 1, New Literary Review, Moscow, Russia.

Dobrenko, E. (2020), *Late Stalinism. Aesthetics of politics*, vol. 2, New Literary Review, Moscow, Russia.

Dobrenko, E. (2000), Functions and categories of socialist realism criticism, *Socialist Realism Canon*, Academic Project, St.-Petersburg, Russia, pp. 390–433.

Frezinsky, B. (2008), *Writers and Soviet leaders*, Ellis Luck, Moscow, Russia.

Ilf, A. (2008), "Be sure to write it down", or The Book of Life, in *Notebooks: The first complete edition of artistic recordings*, Text, Moscow, Russia, pp. 8–17.

Ilf, A. (2001), Quotes speak for themselves, in E. Petrov. *My friend Ilf*, Text, Moscow, Russia, pp. 5–9.

Ilf, A. (2006), Yuri Olesha in the context of Ilf's "Notebooks", *Questions of Literature*, no. 2, pp. 286–316.

Lednev, A. and Romanova, K. (2019), The early stage of the formation of Socialist realism: stylistic searches in "Turkish" prose by P.A. Pavlenko, *Bulletin of the Moscow University*, Series 9, Philology, no. 2, pp. 9–17.

Lurie, Ya. (2022), *In the land of undeterred idiots. A book about Ilf and Petrov*, [Online], available at: https://royallib.com/read/lure_yakov/v_krayu_nepuganih_idiotov_kniga_ob_ilfe_i_petrove.html#0 (Accessed 3 September 2022).

Odessky, M. and Feldman, D. (2015), *Worlds of I. Ilf and E. Petrov. Essays on verbalized everyday life*, RSUH, Moscow, Russia.

Sinyavsky, A. (2003), *What is socialist realism. The literary process in Russia*, RSUH, Moscow, Russia, pp. 139–175.

Shcheglov, Yu. (2009), *Novels by Ilf and Petrov. Reader's Companion*, Ivan Limbach, St.-Petersburg, Russia.

Supa, W. (2012), *The satirical legacy of I. Ilf and E. Petrov yesterday and today*, Studia Wschodnioslowianskie, vol. 12, pp. 133–153.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 12.10.2022

Accepted: 01.12.2022